

Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе

Татьяна Ф. Гришенкова^а; Елизавета В. Вариясова^{а, @}

^а Сургутский государственный университет, 628412, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, 1

[@] justina2302@mail.ru

Поступила в редакцию 13.08.2019. Принята к печати 13.11.2019.

Аннотация: Статья посвящена выявлению суггестивных возможностей некоторых текстов религиозного дискурса. Суггестия рассматривается как действенный инструмент незаметного внедрения в сознание специальной идеи, мнения без прямого или непосредственного осознания этого объектом внушения. Авторы затрагивают проблему взаимодействия рациональной и эмоционально-субъективной сторон коммуникации, рассматривая суггестию как способ речевого воздействия, опирающийся на чувственно-ассоциативные стороны сознания. На конкретных примерах текстов религиозного содержания исследуются средства и приёмы речевого воздействия на установки личности. Авторы полагают, что суггестия ведет к принятию и последующему включению новых сведений в сложившуюся систему взглядов, к определенной трансформации мировоззрения, а значит, и мотивационной основы поведения, в том числе и к формированию враждебных намерений и призывам к экстремистским действиям. Наличие некоторых суггестивных приемов позволяет завуалировать, скрыть, сделать менее очевидной фактическую базу, которая может использоваться для доказательства наличия конфликтных элементов, и избежать наказания. Такие тексты используются для создания определенного эмоционального состояния, через которое облегчается возможность мотивации к каким-либо действиям, дальнейших контактов и формирование идей.

Ключевые слова: суггестивный текст, языковые средства, речевое манипулирование, языковое воздействие, коммуникация, речевой акт, языковое сознание, экстремизм

Для цитирования: Гришенкова Т. Ф., Вариясова Е. В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1086–1094. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094>

Введение

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением феномена языкового воздействия, в современной лингвистике является вопрос о соотношении рациональной и эмоционально-субъективной сторон коммуникативного процесса. Поскольку в ходе речевого акта возможно изменение прежних взглядов, ценностей, поведенческих установок личности, представляется неоднозначным ответ на вопрос о приоритетных источниках данного коммуникативного воздействия. По сути это проблема связи чувства и разума, интеллектуальных возможностей человека и его эмоциональной сферы.

Что же оказывает преимущественное влияние на сознание человека, причем таким образом, что способно изменить даже его мировоззрение, систему ценностей, традиционный образ жизни? Ответ на данный вопрос особенно важен, когда мы сталкиваемся с проблемой вовлечения в различные религиозные (возможно экстремистские) организации новых адептов. Данный факт определяет актуальность предпринятого исследования: это и увеличение масштаба распространения текстов религиозно-экстремистского содержания, и их пагубное воздействие на сознание людей, и всё возрастающая роль сети Интернет и социальных сетей в коммуникативном пространстве русской

культуры, а также недостаточная исследованность феномена суггестии вообще и суггестивных приемов в религиозном дискурсе в частности.

Религиозный дискурс оказывается одним из ярких примеров использования как рационального, так и эмоционального воздействия на слушателя (читателя). Подтверждением тому служат тексты религиозного содержания, поступившие на лингвистическую экспертизу и ставшие материалом для данной статьи. Мы постараемся выделить в этом «сложно структурированном ментальном комплексе» рациональности и эмотивной сферы личности сторону, связанную с речевым воздействием на чувства и эмоции человека, т. е. рассмотрим внушение, или суггестию, как специфический способ коммуникативного поведения личности [1]. Предметом исследования являются средства речевого воздействия текстов религиозного содержания (статьи, песни, публичные высказывания в социальных сетях). Цель – выявление суггестивных возможностей религиозного дискурса на примере текстов, ставших предметом лингвистической экспертизы по различным категориям дел.

Методы и материалы

В процессе исследования использовались лингвистические методы анализа письменного текста. Лексико-семантический

анализ проводился с целью определения лексических значений слов и их сочетаний, толкования их значений и функций. С помощью стилистического анализа выявлялись языковые факты, способы их организации, их связи и соотношенности (функции и функционирование языковых средств текста с учетом выражаемого содержания и целевой установки). Контекстуальный анализ применялся для определения значения языковых единиц и уточнения их смыслового наполнения. Все виды анализа текста производились в соответствии с традиционными научными представлениями о современном русском литературном языке и нелитературных компонентах русского национального языка.

Исследованный материал представляет такой вид дискурса, в котором функционируют специфические языковые единицы, характерные для религии (религиозные термины, концепты и т. п.), представленные в русском языке соответствующими лексическими единицами со специальным религиозным смыслом, поэтому материал принадлежит религиозному дискурсу. Как отмечают лингвисты-исследователи, отдельные характеристики данного вида дискурса (с точки зрения как внеязыковых свойств стиля, так и лингвистических элементов и категорий, составляющих стилистическое содержание данных позиций) важны для анализа, а именно:

- совокупность видов коммуникации, актуальных для религиозной сферы общения (коллективная, массовая, личная), а также гиперкоммуникация, специфический тип соотношения «говорящий / пишущий – слушающий / читающий» в религиозном общении;
- диалогичность, присущая монологическому религиозному тексту;
- сочетание функций сообщения и воздействия, в которых реализуется просветительская и дидактическая направленность текстов [2, с. 60].

Результаты

Дискурс сейчас выступает объектом исследования многих дисциплин: философии, литературоведения, политологии, семиотики, социологии, психологии. На пороге третьего тысячелетия активно проводятся исследования на стыке лингвистики и теологии. Некоторые ученые исследуют и описывают отдельные дискурсивные жанры: религиозный дискурс [3], религиозно-философский дискурс [4], православную проповедь [5]. Возникает интегративное научное направление – теолингвистика, «исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [6, с. 164]. Аспекты теоретической теолингвистики в культурно-историческом контексте рассматриваются профессором В. И. Постоваловой [7]. Вопросы конфессиональной языковой личности и религиозного сознания в языковой картине мира оказываются в центре внимания ученых-лингвистов [8]. В XXI в. интенсивно развивается сопоставительная теолингвистика [9; 10]. Функционально-стилистическому изучению религиозного языка, особенностям религиозного

дискурса посвящены работы Л. П. Крысина [11], И. В. Бугаевой [12], Д. В. Ореховой [13]. На современном этапе развития лингвистической науки необходимо отметить и работы в области прикладной теолингвистики [14], в русле данного направления написано и наше исследование.

Суггестивность как лингвистический термин входит в научный оборот в 90-е гг. предыдущего столетия, прежде (в начале XX в.) данное понятие находилось под пристальным вниманием психологов. На современном этапе, в связи с масштабным расширением коммуникационного пространства, лингвистов особенно заинтересовали механизмы речевого воздействия и связанные с данным феноменом понятия суггестии, речевого манипулирования и непрямо коммуникации [15–23]. Суггестию определяли как «способ незаметного внесения в сознание посторонней идеи, мнения без прямого или непосредственного участия объекта» [24, с. 5]. Под ней понимали «возможность навязывать многообразные и в пределе даже любые действия. Последнее предполагает возможность их обозначать» [25, с. 416]. Выделяли ее особенности в отличие от убеждения, подчеркивая «адресованность не к логике и разуму, а к готовности получить инструкцию к действию» [26, с. 397]. Поскольку суггестию рассматривали как явление принудительной силы слова на бессознательное (подсознательное), «термины "суггестивность" или "суггестивная лингвистика" стали употребляться для обозначения воздействия в психотерапевтических целях». Предметом исследования суггестивной лингвистики является вербальная суггестия, т. е. манипулирование человеком при помощи слова. Выделяют три типа манипуляций: закрепление установки, создание установки, изменение установки [27]. Суггестивную лингвистику интересует преимущественно изменение установок посредством текстов. Если определить установку как «неосознаваемую подготовку психики к определенному восприятию, решению, действию» [28, с. 55], то суггестию можно представить как арсенал средств и приёмов направленного воздействия на установки личности. Рассмотрим репрезентацию суггестивных возможностей текстов, обратившись к анализу представленных на лингвистическое исследование материалов. Данные материалы поступали на исследование в Научно-образовательный лингвистический центр Сургутского государственного университета в течение 2018 г. Чаще всего исследуемые материалы представляют собой стенограммы видео- и аудиофайлов, тексты сообщений, размещенные в открытом доступе в социальных сетях, в сообществах религиозной тематики.

Данные тексты буквально изобилуют различными историями, примерами из жизни тех, кто посвятил свою жизнь Аллаху, кто ведет, по мнению приверженцев Ислама, праведный образ жизни. То есть религиозными адептами создаются суггестивные тексты специально «по канонам той или иной мифологии и используются для воздействия на личность и / или социальные группы» [1, с. 33]. Например, в одном из материалов была представлена «Прекрасная

история о женитьбе шахида на гурии», основное содержание которой – рассказ о матери, посылающей своего сына на смерть (посредством истишхадии) и воздающей при этом благодарение Аллаху. Как указывает Толковый словарь А. П. Евгеньевой, *гурия* – «в мусульманской мифологии: вечно юная красавица, обительница рая, услаждающая попавших туда праведников»¹. Автор истории прибегает к аллегории женитьбы на райской деве. Поскольку шахиды определяются в Исламе как пожертвовавшие собой за веру, подчеркивается один из столпов данной религии: высшая ступень веры – не просто верить в Аллаха, но принять смерть во имя веры. С позиций мусульманства, шахид утверждает свою веру собственной смертью в войне против неверных. Ему гарантирован Рай, куда он попадает, минуя испытания в могиле и в мусульманском чистилище. В истории представлена целевая интерпретирующая информация, облеченная в приукрашенную выразительно-образительными средствами форму, имеющая вид истолкования идеи истишхада, или шахида. «В Исламе этот термин применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью»². Задача автора – заставить поверить в истинность своих утверждений относительно справедливости излагаемых религиозных идей. В качестве обоснования используются оценочные характеристики поступков персонажей. Например: *Быть может мой сын умрет шахидом и сможет заступиться за меня в Судный день. Или: Она сказала: «О Аллах, Ты мой свидетель, что я женила моего сына на этой девушке из Рая с условием, что он пожертвует собой ради Тебя». Тогда она ушла и вернулась назад с 10 000 динарами, отдала их Абуль Уахиду и сказала: «Это ее махр. Возьми его и используй для снаряжения муджахидов».*

Целью данной информации, распространяемой в форме поучительной истории, является эмоциональное воздействие на слушателей (читателей). С помощью внушения в массовое сознание внедряется мысль, что наличие определенных свойств явления объясняется теми причинами, о которых сообщает говорящий. В данном случае это возможность вознесения в Рай благодаря истишхадии, т. е. совершения террористических действий. Пропаганда продуцирует знание об устойчивой обуславливающей связи между объектом и его свойствами: *Абдул Вахид сказал: «Если ты поступишь так, тогда это будет величайшим успехом для тебя и твоего сына».* Для обоснования религиозных убеждений о правомерности действий шахида используются демагогические приемы воздействия на сознание слушателей с помощью искажения общечеловеческих

нравственных ценностей (мать, дающая жизнь своему ребенку, осознанно посылает его на смерть во имя Аллаха, *как подарок ему*), односторонней пристрастной интерпретации преподносимых в данной истории событий.

В качестве суггестивных текстов используются и стихотворные произведения, например песни Тимура Муцураева. Одна из них – «Исламская Умма». В первой её части возникает образ *лучших сынов Ислама*, которые *должны вкушать смерти, зато в Раю получают крылья*. В первом и втором четверостишиях фигурируют несколько символов: смерть как неизбежность, Рай и воздаяние как высшая награда за послушание, Ислам как истинная религия. Необходимо отметить еще один символ, употребляющийся в тексте песни как знак надежды на возрождение мусульманского сообщества, – *знамя Таухида*. «Таухид (араб. – единение, единобожие, монотеизм) – догмат о единственности и единстве Аллаха, выраженный в формуле – «нет никакого божества, кроме Аллаха»»³. В контексте данного произведения все названные предметные образы (Рая, смерти, воздаяния) объединяют собой разные планы воспроизводимой автором картины: прошлое, соотносимое с *утратами, печалью и тревогами*; будущее, связанное с образом смерти и открытостью в Раю; *сотканную из трещин* жизнь в настоящем. Символ знамени Таухида олицетворяет собой объединяющее начало данных разновременных пластов. В тексте песни Т. Муцураева «Исламская Умма» присутствует уничижительное для мусульманина противопоставление по гендерному признаку: *Покуда миром правят жёны, Увы, отнюдь, не их мужья!* Кроме того, используется презрительный для определения мусульманской общины эпитет – *стала женственной община*. Необходимо подчеркнуть, что песня Т. Муцураева посвящена «общине верующих, которая приняла пророков, подчинилась им и уверовала в Аллаха»⁴. Согласно словарю мусульманских терминов: «умма (араб. – народ, нация, община) – мусульманская община, нация правоверных. Канонический ислам не признает понятие "нация" в этническом смысле слова, для него существует лишь "умма" мусульманская община, объединенная верой в Аллаха и его посланника Пророка Мухаммада»⁵. Тем более оправданно звучат принижающие достоинство мужчин-мусульман данные сравнения, ибо они звучат из уст врагов – *с издевкой недруги твердят*. В тексте названа ещё одна нелицеприятная для автора фигура – *кафир*: *и кафиру мы платим дань*. «Кяфир – неверный, неблагодарный, скрывающий, не признающий истины, не верующий в существование или единство Аллаха. Слово происходит от глагола "кафара" – покрывать, скрывать. Слово "кяфир" в узком смысле означает "скрывающий свое знание о Боге". Кяфирами называются люди, которые отказываются признавать существование,

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 357.

² Краткий словарь мусульманских религиозных терминов и понятий. Режим доступа: <http://www.islam.az/article/a-181.html> (дата обращения: 12.09.2019).

³ Там же.

⁴ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. Режим доступа: <https://www.islamskij-enciklopedicheskiy-slovar-read-390442-42.html> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ Краткий словарь мусульманских религиозных терминов и понятий...

единство и атрибуты Аллаха, пророческую миссию Божьих посланников (или хотя бы одного пророка), существование ада и рая, воскресение после смерти и страшный суд. Смысл жизни они видят только в своем земном существовании»⁶. Но в контексте песни она противопоставлена не отдельным представителям конфессиональной группы, а мусульманам, образ жизни которых не соответствует законам Шариата. Отношение автора к предмету речи выражено через наличие определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально экспрессивных. Так мусульмане (они названы *своими*: «и вверг в страдания свой народ»), изменившие истинной вере, получают негативную оценку, отразившуюся в метафорах *сброд безродной нечисти и гнусов, корчатся в пыли бригадные воры и воры*. Как видим, в данном примере коммуникативное намерение автора («цель, ради которой производится речевое произведение» [29, с. 32]) не совпадает с его ментальным состоянием, поскольку в песне осуждаются мусульмане, отошедшие от истинной веры в Аллаха, а вот эмотивная оценка их действий выдает неискренность, аллегоричность его высказываний: песня обращена ко всем верующим в Аллаха, которые должны подняться на борьбу с неверными. Такая противоречивость может свидетельствовать о несовпадении «ментального состояния, порождающего текст» и «выраженного коммуникативного намерения» [29, с. 32].

Текст песни Т. Муцурова «Аварское село» построен на антитезе русских и чеченских воинов. Русские солдаты называются *ордой* (лексема имеет пренебрежительный оттенок в значении вражеское войско, полчище⁷). В песне создается негативный образ русских солдат как трусливых воинов в противовес мужественно сражающимся чеченцам: *но вдруг от ужаса все встали, как один: чеченцы мертвые вставали из руин; огонь ответный витязей кромсал и клич «Аллах» им души разрывал*. По отношению к русским употребляется эпитет *пьяные*: *спасались пьяные солдаты напролом* – имеющий негативную коннотацию, в то время как о чеченцах говорится: *отвага горцев крепче их огня*. В песне создается собирательный образ врага в лице представителей русской национальности: это и воюющие русские солдаты, и командующий ими генерал («*Их, верно, всех сразил я наповал!*» – *кричит хвастливо русский генерал*), и весь русский народ, который в данном тексте определяется при помощи ключевого понятия русской православной культуры *русский дух* (*Но будет помнить жжена земля, как русский дух сломить смогла Чечня*). Поскольку пропаганда предполагает сознательный предварительный отбор фактов, манипуляции мнениями и убеждениями людей посредством различных символов, необходимо отметить, что в качестве таковых в песне «Аварское село» используются *смерть-коса, ад, огонь, свинец*: *без устали носилась смерть-коса; огонь ответный витязей кромсал и клич «Аллах» им души разрывал*. Действие деструктивных глаголов *кромсать, разры-*

вать, сломить, направлено на врага, конкретизирующегося в тексте в образах русских воинов. Характерной для религиозных текстов, в том числе и анализируемого, является метафора смерти как перехода в лучший мир. Для объекта речи в тексте (бойца джихада) это будет переход в рай: *В мечтах и грезах смутно виден Рай*. Используя средства выразительности для характеристики бойцов джихада, автор романтизирует борьбу с неверными, создает положительный образ тех, кто готов пожертвовать собой за Аллаха: *Направил на Священный Газават, Даруя мусульманам очищение. Я чувствую – имеет наша кровь. Лишь ей присущий вековечный навык. Мужчинам не до жизненных улад, Когда враги кромсают плоть Отчизны. Джихад душой, имуществом и словом*. В приведенном текстовом фрагменте бойцы Аллаха оцениваются позитивно: у них особая кровь – кровь избранных, они храбры и не боятся врагов. Священная война для них – дело жизни. Гибель в бою – праведная смерть, т. к., погибая, преданный воин Аллаха думает только о нем и просит о даровании ему рая и райских гурий: *И потому грехи мои прости, И помоги уйти стезей Джихада..., а если встречу гибель на пути – у господа миров моя награда*. Кроме того, в тексте говорится, что смерть не страшна тем, кто умирает ради Аллаха: *Я сильно возжелал тот чудный край, Где нету зла, и нет печали*. Подчеркивание романтического характера действий бойцов джихада является имплицитным одобрением их деятельности.

В анализируемых текстах мы можем выделить «внутреннюю структуру говорящего» [30, с. 25], производителя текста, которая представляется следующим образом:

- его знания, мнения: знание, что сражающиеся под знаменем Аллаха наши братья погибают, коррелируется с твердой верой, что их ждет лучший мир: *Там есть источник влаги Салсабил, Там навсегда со мною рядом братья... Господь Миров, даруй мне больше сил, И помоги до Вечности добраться;*
- его потребности: предпочтение земной жизни, однако это желание превышает надежда на райскую жизнь: *Лишь только стихнет рукопашный бой, Мы вместе с кровью вмиг стряхнем усталость... И снова я стою перед тобой, В мою мольбу опять печаль закралась;*
- его отношения, установки: противопоставление *чудный край, Где нету зла, и нет печали*. Пятном кровавым виширь расплзся враг, Нависнув над землей сплошным покровом. Метафорика в приведенных примерах антиномична, именно эпитеты указывают на различия в оценках двух миров. Противопоставленными оказываются реальность земного существования: мирной жизни и кровавой битвы;
- его чувства, эмоции: основное чувство – это чувство ненависти к врагу *Все недруги мои – твои враги, Я их безверье ненавижу люто! Пылает в этом сердце Божий гнев, Перемешавшись с личной неприязнью.*

⁶ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь...

⁷ Орда // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/орда> (дата обращения: 20.09.2019).

Семантический уровень последнего отрывка характеризуется контрастностью по принципу *мы – они*, которая в данных предложениях имеет смысловую нагрузку, вызывающую отрицательные ассоциации, указывая на конфликтный текст, который предполагает наличие или возбуждение оппозиционных отношений между субъектом и предметом речи. К группе *мы* принадлежат те, кто воюет с врагами – бойцы джихада. *Они* – враги, неверные. Это лексема с абстрактной семантикой, т. к. нет указания на конкретных лиц. Что еще важнее, имеется негативная характеристика группы-антагониста: *Когда враги кромсают плоть Отчизны. Они вломались нагло в нашу дверь, И кто-то должен стать для них препоной. Пускай же ужаснется этот зверь, В обличии кровавого дракона.* Деструктивные слова усиливают впечатления, негативные эмоции и создают враждебное отношение к группе людей *они – неверные*, которая причиняет физический вред представителям другой группы *мы – бойцы джихада* и с которой нужно бороться, поэтому на имплицитном уровне имеется программа действий, которые необходимо совершить в отношении этой группы: *Пускай же ужаснется этот зверь.* На это указывают и формальные языковые маркеры призыва – слова *пусть, пускай.* Итак, проанализировав структуру говорящего, приходим к выводу, что в созданной религиозной картине мира образ воина Аллаха приобретает ореол мученика. Однако в современной языковой картине, по словам исследователя А. Г. Волковой, «наиболее частотными словами, сопряженными со словом "джихад", являются "шахид", "смертник", "террорист", "теракт"» [31, с. 27]. Так, лексема *джихад*, означающая на религиозном языке праведного воина, святого, отдающего свою жизнь во имя Аллаха, приобретает отрицательную коннотацию. В рамках анализируемого материала декларируется изначальная враждебность группы *мы – воины джихада* по отношению к тем, кто не верует в Аллаха. Слово *враг* прямо употребляется в текстах при номинации и при трактовке их отношения к иноверцам. Эту изначальную враждебность подчеркивают эпитеты, применяемые автором по отношению к немусульманам: *Пускай же ужаснется этот зверь, В обличии кровавого дракона. Все недруги мои – твои враги, Я их безверье ненавижу люто!; Сподвижник, продолжил свою речь, и сказал, и каждый раз, когда войска мусульман с кафирами сходятся в этой битве.* Многие глаголы в представленном материале можно объединить в одну лексико-семантическую группу, основанную на семе войны, разрушения, насильственной смерти: *Пятном кровавым виширь расплзся враг; Когда враги кромсают плоть Отчизны.* Текст пропагандирует образ врага как носителя социального зла, как агрессора, формирует убеждение в необходимости ответной, защитной, оборонительной реакции на эту агрессию. Это навязывание ложной presupпозиции или подведение к ложному умозаключению: к неверным нужно относиться враждебно, нужно с ними воевать. Образ врага является основополагающим как в анализируемых материалах, так и экстремистском

дискурсе в целом. По мнению большинства современных исследователей, конструирование образа врага – это один из наиболее важных, значимых механизмов формирования любой социальной группы, именно «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как "Они-группа", общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной "Мы-группы"» [32, с. 3].

Неслучайным в данных произведениях является и обращение к изобразительно-выразительным средствам, они активно применяются в суггестивных текстах. По мнению исследователей коммуникативной лингвистики, для суггестивного воздействия на реципиента «с целью изменить его точку зрения, настроение используются языковые средства и свойства художественных произведений» [1, с. 33].

Поскольку религиозный дискурс отличает наличие особого ритуала, вся информация, передаваемая в ходе коммуникации на религиозную тему, принимается на веру. Как справедливо заметила Е. В. Бобырева, «адресант религиозного дискурса обладает неоспоримым авторитетом и любое его указание, наставление должно беспрекословно исполняться, не подвергаясь сомнению» [3, с. 9]. Обратившись к контекстуальному анализу представленных на лингвистическую экспертизу текстов, мы постулируем презумпцию приоритета компонента *насилие* в семантической структуре слова *джихад*. Хотя для религиозного дискурса характерно наличие военной метафоры, такая «военная метафорика характерна для некоторых текстов, которые описывают внутреннюю борьбу верующего со своими грехами» [31, с. 28]. В следующих высказываниях важно отметить, что коммуникативная цель заключается в акцентуации негативного признака – враждебного действия по отношению к неверующим при помощи прямого призыва. В этом случае вербальная составляющая призыва характеризуется наличием в высказывании выраженных императивов и модального должествования: *так вступайте в бой, идите в передних рядах и не унижайте райских гурий; Каждый из тех, кто понимает ислам, на сегодняшний день и хочет придерживаться его, он непременно должен понять, что джихад является такой же неотъемлемой частью этой религии, как пост, как молитва, как ... [неразборчиво], как все остальное.*

Призыв как речевой акт подразумевает, помимо иллокутивной цели, условий искренности и успешности, высказывание-побуждение. По словам известного эксперта-лингвиста К. И. Брилева, «в ядерных случаях это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфинитив, интонационные конструкции и т. д.)» [33, с. 151]. В одном из видеоматериалов, представленных на исследование, адресант рассказывает историю из жизни сподвижников. Один из фрагментов содержит следующую информацию: *Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной! И тогда Аллах полюбит вас и простит вам ваши грехи. И ты сегодня умудряешься стесняться перед*

какими-то людьми, которые быть может будут растопкой огня. Ты не можешь проснуться, но когда ты проснешься, кто-то проснется раньше тебя, а кто-то проснется тогда, когда над ним будут уже джаназы⁸ читать. В качестве смыслового и структурного ядра выступает форма условного наклонения в значении повелительного: *Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной!* Отмеченные высказывания направлены на формирование мотивации изменения ситуации, формирования установки на необходимость неуклонного следования «жизненной системе Ислама».

В другом примере суггестивного текста, одном из фрагментов ораторского выступления, наблюдаем высказывание: *Но одна группа из их числа принялась бежать в сторону Медины. Но их встретили женщины со словами «Бежите от смерти на пути Аллаха?»». Мужчины начали оправдываться, говоря «Убит пророк». На что женщины ответили «Так умрите на том, на чем умер он». Женщины сказали мужчинам «Так умрите же на том, на чем умер Мухаммад».* Здесь мы отмечаем негативный речевой акт выражения волеизъявления по отношению к тем людям, которые предают религию Ислам при помощи слов с выраженной отрицательной коннотацией и глагола *умрите* с семантикой грядущего долженствования.

Заключение

На начальном этапе предпринятого исследования мы определили понятийное содержание основных терминов и категорий, необходимых для лингвистического анализа текстов, ставших предметом изучения. Далее был проведен лексико-семантический анализ единиц, являющихся концептуально значимыми показателями религиозного дискурса. На примере текстов песен Т. Муцураева «Исламская Умма» и «Аварское село» мы выявили используемые автором средства и приемы направленного воздействия на систему ценностей и знаковые нравственные установки личности.

Стилистический анализ данных текстов, относящихся к художественному стилю речи, позволил сделать вывод

о коммуникативном намерении автора – романтизировать образ воинов Аллаха, бойцов джихада, тем самым «благословить», поддержать их деятельность. Были выявлены активно используемые автором манипулятивные приемы воздействия на слушателей: характерная исламская символика религиозной семантики, изобразительно-выразительные средства художественного стиля.

В качестве следующего этапа выступил контекстуальный анализ суггестивных текстов, который подчеркнул статус манипуляции как ключевой категории речевого воздействия. С этой целью используются «средства воздействия на сознание (подсознание) адресата, чтобы сформировать выгодное для себя убеждение» [22, с. 104]. Во-первых, это оппозиция *свои – чужие*, в которой к первой группе принадлежат истинные поборники веры Аллаха, а ко второй – враги, т. е. «неверные». Во-вторых, это воздействие на эмоциональную сферу личности. В-третьих, многочисленные повторы устойчивых эпитетов, милитарных метафор. Так срабатывает «когнитивный механизм трансформации модели мира» [34, с. 38], суггестия воздействует на уровне подсознания, и слушатель может даже не подозревать о данном манипулятивном внушении.

В проанализированных текстах религиозного дискурса использованы приемы вербального воздействия, которые основаны на системе доводов, выстроенных по законам формальной логики, причем исходный тезис констатируется с определенной, зачастую негативной позиции. Так, в «модель мира коммуникантов вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [35, с. 12]. На примере исследованных текстов религиозного дискурса мы убедились, что суггестия ведет к принятию и последующему включению новых сведений в сложившуюся систему взглядов, к определенной трансформации мировоззрения, а значит, и мотивационной основы поведения, в том числе к формированию враждебных намерений и призывам к действиям.

Литература

1. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2017. С. 160.
2. Салихова Э. А. Экспертиза конфликтогенного текста: об отдельных лингвистических и лингвосомиотических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. С. 58–63.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 45 с.
4. Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 469 с.
5. Бурцев В. А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2012. 48 с.
6. Гадамский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 1. № 49. С. 164–167.

⁸ ислам. – погребальные молитвы.

7. Поставалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Современная филология: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. конф. (Симферополь, 14 ноября 2013 г.) Симферополь, 2013. С. 23–24.
8. Галиева М. Р. Религиозное сознание в языковой картине мира // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 5. С. 36–46.
9. Степаненко В. А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul». Иркутск: Иркут. гос. лингвист. ун-т, 2006. 312 с.
10. Грицкова А. В., Кулинич М. А. Дискурсивные характеристики речевого жанра в англоязычной православной проповеди // Изв. Самар. НЦ РАН. 2014. Т. 16. № 2-1. С. 160–165.
11. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. С. 135–138.
12. Бугаева И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста / отв. ред. Е. В. Плисов. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 3–11.
13. Орехова Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
14. Борисова А. С., Кургузенкова Ж. В., Никишин В. Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 448–473.
15. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. М.: Лабиринт, 2011. 332 с.
16. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо Изд-во МГУ, 1996. 342 с.
17. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 374 с.
18. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
19. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Ленанд, 2017. 308 с.
20. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 203 с.
21. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2001. 830 с.
22. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 2002. 288 с.
23. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза. М.: Флинта; Наука, 2016. 356 с.
24. Мельник Г. С. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа ориентированный подход / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 3–34.
25. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007. 713 с.
26. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: СПбГУП, 1999. 592 с.
27. Черепанова И. Ю. Вербальная суггестия: теория, методика, социально-лингвистический эксперимент: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 50 с.
28. Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 205 с.
29. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Ленанд, 2019. 200 с.
30. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова, сост. В. В. Петров. М.: URSS; Ленанд, 2015. 308 с.
31. Волкова А. Г. Методика дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе религиозных текстов: особенности применения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы VI Всеросс. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.) Ростов н/Д.: Донское книжное изд-во, 2016. С. 26–30.
32. Белоконова А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 28 с.
33. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Флинта; Наука, 2017. 297 с.
34. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2017. 240 с.
35. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 46 с.

Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse

Tatyana F. Grishenkova^a; Elisaveta V. Variyasova^{a, @}

^a Surgut State University, 1, Lenin Ave., Surgut, Russia, 628412

[@] justina2302@mail.ru

Received 13.08.2019. Accepted 13.11.2019.

Abstract: The research featured suggestive potential of religious discourse. The authors interpret suggestion as an effective tool that allows its users to plant an idea or attitude into the mind of the recipient, the latter being unaware of the object of suggestion. The paper focuses on the problem of interaction between rational and emotional-subjective sides of communication. Suggestion is defined as a way of linguistic manipulation based on the sensory-associative sides of consciousness. The authors study the means and methods of linguistic manipulation of personal attitudes using religious texts as specific examples. The suggestion makes the recipient adopt and include new information in the existing system of views, thus leading to a certain transformation of the worldview, which changes the motivational basis of behavior and may trigger hostile intentions and extremist actions. Suggestive techniques make it possible to avoid legal punishment by disguising facts that can be used to prove the presence of conflict-generating elements in the discourse. Such texts are used to create a certain emotional state, thus facilitating motivation, further contacts, and formation of opinion.

Keywords: suggestive text, language means, speech manipulation, language impact, communication, speech act, language consciousness, extremism

For citation: Grishenkova T. F., Variyasova E. V. Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1086–1094. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094>

References

1. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Speech impact in political, advertising, and online discourses*. Moscow: Lenand, 2017, 160. (In Russ.)
2. Salikhova E. A. Examination of conflictogenic text: on individual linguistic and linguosemiotic signs of extremist text. *Evrasijskaya advokatura*, 2016, (3): 58–63. (In Russ.)
3. Bobyreva E. V. *Religious discourse: values, genres, strategies in Orthodox Christianity*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2007, 45. (In Russ.)
4. Sergeeva E. V. *Russian religious-philosophical discourse of the school of all-unity" (lexical aspect)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2002, 469. (In Russ.)
5. Burtsev V. A. *Discourse of Russian Orthodox Sermon: methods of producing statements*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Yelets, 2012, 48. (In Russ.)
6. Gadomski A. K. On the gaps in the system of linguistic science: the problem of the interaction of language and religion. *Kultura narodov Prichernomoria*, 2004, 1(49): 164–167. (In Russ.)
7. Postovalova V. I. Theolinguistics in modern humanities knowledge: origins, main ideas, and approaches. *Modern philology: problems and prospects*: Proc. Intern. Conf., Simferopol, November 14, 2013. Simferopol, 2013, 23–24. (In Russ.)
8. Galieva M. R. Religious consciousness in the language world picture. *Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta*, 2015, (5): 36–46. (In Russ.)
9. Stepanenko V. A. *Word / Logos / Name – names – concept – words: comparative-typological analysis of the concept "Soul. Seele. Soul"*. Irkutsk: Irkut. gos. lingvist. un-t, 2006, 312. (In Russ.)
10. Gritskova A. V., Kulinich M. A. Discourse characteristics of speech genres of the Russian Orthodox sermon delivered in English. *Izv. Samar. NTs RAN*, 2014, 16(2-1): 160–165. (In Russ.)
11. Krysin L. P. Religious-preaching style and its place in the functional-stylistic paradigm of the modern Russian literary language. *Poetics. The style. Language and Culture*. Moscow: Nauka, 1996, 135–138. (In Russ.)
12. Bugaeva I. V. Stylistic features and genres of the religious sphere. *Text style*, ed. Plisov. E. V. Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroliubova, 2005, 3–11. (In Russ.)
13. Orekhova D. V. *Church-religious and political types of discourse through the prism of dialogism (on the basis of the message genre)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2015, 22. (In Russ.)
14. Borissova A. S., Kurguzenkova Zh. V., Nikishin V. D. Translation of religious and extremist texts: forensic-linguistic expert examination. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(2): 448–473. (In Russ.)
15. Sedov K. F. *Discourse as suggestion*. Moscow: Labirint, 2011, 332. (In Russ.)

16. Dotsenko E. L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, and protection*. Moscow: CheRo Izd-vo MGU, 1996, 342. (In Russ.)
17. Dementev V. V. *Indirect communication*. Moscow: Gnozis, 2006, 374. (In Russ.)
18. Sternin I. A. *Introduction to speech exposure*. Voronezh: Istoki, 2001. 252. (In Russ.)
19. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: Lenand, 2017, 308. (In Russ.)
20. Ermakov Iu. A. *Manipulation of personality: meaning, methods, consequences*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 203. (In Russ.)
21. Kara-Murza S. G. *Manipulation of consciousness*. Moscow: EKSMO, 2001, 830. (In Russ.)
22. Grachev G. V., Melnik I. K. *Manipulation of personality: organization, methods, and technologies of information-psychological impact*. Moscow: Algoritm, 2002, 288. (In Russ.)
23. Grachev M. A. *Forensic linguistic expertise*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 356. (In Russ.)
24. Melnik G. S. Psychological effects of the media. Advertising: suggestion and manipulation. *Media oriented approach*, ed. and comp. Raigorodskii D. Ia. Samara: Bakhrakh-M, 2001, 3–34. (In Russ.)
25. Porshnev B. F. *On the beginning of human history: problems of paleopsychology*. St. Petersburg: Aleteia, 2007, 713. (In Russ.)
26. Parygin B. D. *Social Psychology. Problems of methodology, history, and theory*. St. Petersburg: SPbGUP, 1999, 592. (In Russ.)
27. Cherepanova I. Yu. *Verbal suggestion: theory, methodology, and socio-linguistic experiment*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1996, 50. (In Russ.)
28. Dobrovich A. B. *Educator about the psychology and hygiene of communication*. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 205. (In Russ.)
29. Brinev K. I. *Forensic linguistic expertise handbook*. Moscow: Lenand, 2019, 200. (In Russ.)
30. Van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication*, tr., ed. Gerasimov V. I., comp. Petrov V. V. Moscow: URSS; Lenand, 2015, 308. (In Russ.)
31. Volkova A. G. The methodology of discursive analysis in the linguistic examination of religious texts: specifics of application. *Language and law: actual problems of interaction: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, November 15, 2016*. Rostov-on-Don: Donskoe knizhnoe izd-vo, 2016, 26–30. (In Russ.)
32. Belokoneva A. S. *Constructing the image of external enemy: Soviet media and official documents of the early Cold War period*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2004, 28. (In Russ.)
33. Brinev K. I. *Forensic linguistic expertise*. Moscow: Flinta; Nauka, 2017, 297. (In Russ.)
34. Issers O. S. *Linguistic manipulation*. Moscow: Flinta; Nauka, 2017, 240. (In Russ.)
35. Baranov A. N. *Linguistic theory of argumentation (cognitive approach)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1990, 46. (In Russ.)